

are revealed. It is substantiated that the involvement of diaries and memoirs of experts of the colonization case in the Steppe Territory provides a chance for a more complete reconstruction of the models of the organization of the imperial space on the eastern outskirts of the country, revealing a complex mechanism of interaction between actors and subjects of colonization: central and regional bureaucracy, representatives of scientific communities and social forces, social, ethnic, confessional groups of the region.

Keywords: the diaries of A.K. Gaines, memoirs of I.F. Babkova, colonization, imperial principles of government, sources of personal origin, representation, Steppe region

Шиловский М.В.

Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)

Горный Алтай в контексте этнополитических процессов в Азиатской России 1917–1918 гг.

Аннотация. Анализируется попытка установления национально-территориальной автономии в Горном Алтае в 1917–1918 гг. Основную часть алтайских автономистов составили молодые местные интеллигенты во главе с Г.И. Гуркиным, ориентирующиеся на эсеров и сибирских областников. Основными «площадками» в плане развертывания борьбы за национальное самоопределение стали Бийск и Томск. На съезде делегатов от инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов в июле 1917 г. принимается решение о создании Алтайской горной думы. На горно-алтайском краевом съезде в Улале в феврале 1918 г. формулируется задача объединения саяно-алтайских народов в республику Ойрот. Начав борьбу за национальное самоопределение, алтайские автономисты дальше дарованных в июне 1917 г. волостных земских управ не продвинулись.

Ключевые слова: Горный Алтай, национально-территориальная автономия, эсеры, областники, Алтайская горная дума, национальные органы самоуправления, земство, республика Ойрот.

Национальные движения аборигенных этносов Сибири в избранных хронологических рамках, в том числе в Горном Алтае, имеют

устойчивую историографическую традицию с конца 1920-х гг. (В.П. Гирченко, Ф.А. Кудрявцев, С.А. Токарев, В.И. Верещагин, Л.П. Потапов, Л.П. Мамет, П.Я. Гордиенко и др.). С конца 1950-х гг. увидели свет фундаментальные сочинения по истории революции и гражданской войны, национально-территориальных образований (Бурятия, Хакасия, Якутия, Горный Алтай, Тува) Г.Г. Макарова Н.Д. Шулунова, А.И. Новгородова, П.Т. Хаптаева, Б.Б. Батуева, С.Я. Пахаева, Х.М. Сейфулина и др. Большая часть их была написана историками, представителями титульных этносов, анализировавших события рассматриваемого периода в парадигме стремления отдельных народов к достижению национально-территориальной автономии.

В последующем изучение национальной проблематике применительно к отдельным этносам и национальным лидерам происходило по нарастающей, затрагивая такие ее элементы как этнополитическая история якутов, бурят, хакасов, алтайцев, тувинцев, казахов; формирование и мировоззренческие позиции интеллектуальной элиты; жизненный путь национальных лидеров, в том числе применительно к Горному Алтаю (В.И. Эдоков, С.Я. Пахаев, Н.А. Майдунова и др.). При этом отдельные исследователи впадают в другую крайность, упрощенно рассматривая эволюцию взглядов представителей национальной интеллигенции. Так, Н.А. Майдунова утверждает: «Как известно, идеи Г. Гуркина попыталась претворить в жизнь Алтайская Горная дума» [Майдунова 1993, 120]. Но из перечня решений этого органа, осуществленного на основании анализа протоколов Дума подобный вывод не вытекает.

Опираясь на исследования по проблеме, введенные в научный оборот источники и выявленные в архивах мной, я попытаюсь установить особенности национального движения алтайцев в Бийском и Кузнецком уездах Томской губернии с момента Февральской революции до конца 1918 г. в сопоставлении с аналогичным процессом в других национальных районах Сибири.

Накануне 1917 г. конфессиональная ситуация у народов региона отличалась противоречивыми тенденциями. Ударными темпами осуществлялось их приобщение к православию. В частности, в 1830–1916 гг. стараниями миссионеров обратили в христианство 34735 алтайцев, или половину от их численности [Кислицын 1992, 26]. Однако все без исключения современники констатировали чисто внешнее усвоение догматов православия «инородцами», сохранение традиционных религиозных представлений и прежде всего шаманизма. С другой стороны, активное «наступление» на народы юга Сибири вели другие мировые религии: ислам и буддизм. В результате, в начале XX

в. процесс христианизации замедлился, а после подписания указа от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости пошел всячь.

Одновременно с этим начинается перевод казахов, алтайцев, хакасов, бурят на 15-десятинный надел и постепенное введение волостных управ как у русских крестьян. Освободившиеся земли используются для заселения в основных русских крестьян-переселенцев. Объективно прогрессивная тенденция приобщения аборигенных этносов к западной модели цивилизационного развития приводит к социокультурному расколу формирующихся у них национальных элит, отстаивающих альтернативные варианты национального самосознания, ориентирующиеся не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии (панмонголизм) или ислам. Еще один вариант реализации «национальной идеи» в религиозной оболочке дали в начале XX в. алтайцы попыткой создания «новой алтайской веры», более известной как бурханизм, связанной с тем, «что на завершающем витке любого конкретного этногенеза, выводящего на время-пространство новый этнос, внутри него при благоприятных условиях вызревает и новая, чисто религиозная идеология, непременно несущая в себе национальную идею, разделяемую и ощущаемую всеми без исключения членами этноса» [Шерстова 1999, 41].

Среди факторов, обусловивших нарастание оппозиционных настроений среди алтайцев накануне 1917 г., следует упомянуть высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. «О реквизиции мужского инородческого населения на работы по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе деятельности армии». Предусматривалось привлечение мужчин в возрасте от 19 до 43 лет из числа оседлых и кочевых «инородцев» Северной Азии (казахов, алтайцев, хакасов, бурят) на тыловые работы. Сюжет этот применительно к Горному Алтаю не изучен. Согласно донесению томского губернатора «годных к работам» в Бийском уезде насчитывалось 3 тыс., в Кузнецком 2 тыс. «инородцев» [Когда рушилось государство 2015, 199]. В 1916 г. из Кош-Агачской волости на основании повеления призвали 86 чел., из которых в живых осталось 27. Как вспоминал известный сибирский писатель А.Л. Коптелов, алтайский художник Н.И. Чевалков рассказывал, как в 1916 г. «был мобилизован на тыловые работы, как рыл окопы, как скитался по Петрограду, куда ездил делегатом от своей воинской части ходатайствовать о демобилизации [Демидов 1996, 27; Коптелов 1983, 354].

В отличие от Якутии, Бурятии, Казахстана в Горном Алтае и Хакасии не оформился устойчивый слой национальной интеллигенции с определенной системой взглядов, в том числе относительно перспектив развития родного этноса. Будущий руководитель Алтайской Горной думы художник Г.И. Гуркин (1870–1937), учившийся в Петербурге и неоднократно устраивавший свои персональные выставки в Томске (1907, 1910, 1915) и Бийске (1912) был хорошо знаком с многими видными сибирскими общественно-политическими деятелями: Г.Н. Потаниным, М.Б. Шатиловым, В.И. Анучиным, С.В. Востротинным, Н.Я. Новомбергским, А.В. Адриановым и др. Впоследствии он следующим образом определил свое политическое credo накануне 1917 г.: «Ни о какой политике и рабочем движении в Улале алтайцам и русским не было известно никому... В классовом вопросе я еще не разбирался и вообще политикой как художник за неимением досуга не занимался и не был сведущ» [Эдоков 1993, 36].

В июле 1917 г., обосновывая необходимость существования Горной думы, Гуркин подчеркнул: «Наши друзья – социалисты, своей невинной кровью завоевавшие свободу, а наши враги – те паразиты, которые жирели на нашей крови» [Гуркин 1917]. В декабре 1917 г., заполняя анкету делегата Чрезвычайного общесибирского областного съезда в Томске, Григорий Иванович отнес себя к эсерам. По мнению В.И. Эдокова мировоззрение Гуркина тогда «тесно примыкает к идеям и устремлениям нового поколения сибирских писателей и публицистов, выступавших в печати после революции 1905 года и находившихся под влиянием идеологии умеренно либерального направления областников...» [Эдоков 1993, 33].

Среди других активных сторонников самоуправления алтайцев следует назвать Д.М. Тобокова 1877 г. р., образование домашнее, скотопромышленника, беспартийного левого, депутата II Государственной думы от Томской губернии. К нему следует добавить врача В.П. Тибер-Петрова, 38 лет, сочувствующего социал-демократам; С.С. Борисова, 28 лет, из крестьян, журналиста, окончившего 3 класса гимназии, примыкающего к социал-демократам (меньшевикам); Г.М. Токмашева, 25 лет, образование начальное, учителя, сочувствующего народным социалистам. Характерно, что на съезде представителей инородческих волостей Алтая в Бийске 1–6 июля 1917 г. для подготовки введения волостного земства наметили на должности инструкторов 13 чел. из числа исключительно учителей и священников [Демидов 1996, 26]. На съезде алтайцев Кузнецкого уезда 28–30 июля 1917 г. под председательством учителя С.И. Кузургашева, учреждается уездная

Горная дума в составе учителей Кочубеева, Чудоякова и др. [Общественно-политическая жизнь 2013, 359].

Таким образом, основную часть алтайских автономистов составили молодые местные интеллигенты, беспартийные, но ориентирующиеся на социалистов. В частности, главным лоббистом в прохождении вопроса о создании Алтайской горной думы в Томске выступал видный эсер М.Б. Шатилов. Эсеры на своем 3-м съезде (25 мая – 4 июня 1917 г.) высказались за создание федеративно-демократической республики с территориально-национальными автономиями в пределах этнографического расселения народов.

Консолидации алтайских сторонников автономии препятствовало ее распыленность, отсутствие центра консолидации, поскольку численность населения неформальной столицы Горного Алтая села Улала составляло 2,7 тыс. чел. Поэтому основными «площадками» для разворачивания борьбы за национальное самоопределение становятся 30-тысячный уездный Бийск и Томск. После проведения выборов в губернское народное собрание (аналог земской структуры), в том числе и в Горном Алтае, 20 апреля открылась его первая сессия в Томске. А 22 апреля состоялось собрание делегатов от «инородцев» Бийского и Кузнецкого уезда с участием Г.Н. Потанина и М.Б. Шатилова для обсуждения вопроса «об учреждении постоянного комитета для алтайцев, как центрального органа алтайцев». 12 мая Г.И. Гуркин выступил на сессии с докладом «Об Алтае и его нуждах». Принимается специальное постановление: «В целях организации самоуправления алтайцев, шорцев и телеутов, живущих в пределах Бийского и Кузнецкого уездов, созывается Алтайский съезд, с функциями Учредительного собрания...» [Судьбы коренных народов 2004, 57].

8 июня исполком Томского губернского народного собрания предложил всем комитетам инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уездов избрать делегатов на съезд в Бийске. Он проходил 1–6 июля 1917 г. и постановил «учредить центральный орган по местному управлению инородцев Бийского и Кузнецкого уездов, назвав его Алтайской Горной Думой...». Председателем ее избирается Г.И. Гуркин, почетным председателем – Г.Н. Потанин. Местом пребывания Думы определяется г. Бийск [Судьбы коренных народов 2004, 61–63]. Следует заметить, что в протоколе первого дня заседаний форума, его задачей являлось «обсуждение вопроса об организации алтайского местного самоуправления» [Судьбы коренных народов 2004, 61]. С учетом того, что 17 июня Временное правительство утвердило «Временное положение о земских учреждениях в Архангельской губ. и в губерниях и областях Сибири», бийский съезд принял решение об

организации самостоятельной земской единицы – Алтайской горной думы. Он стал первой ласточкой земского строительства в регионе, поскольку предписание Томского губернского комиссара Б.Н. Гана Бийскому уездному исполкому о немедленном введении волостных земств в уезде последовало 14 июля [Судьбы коренных народов 2004, 67]. И еще одно важное обстоятельство: в июне 1917 г. из Томской губернии выделили Алтайскую и горнодумцам теперь необходимо было налаживать контакты с Барнаулом.

Тем не менее, алтайские автономисты, казалось бы, должны были торжествовать. Именно так интерпретировал произошедшее лидер бурятских националистов Э.-Д. Ринчино, называя главного виновника значимого события: «Алтайские калмыки по сравнению с бурят-монголами в смысле культурного развития почти ничего не имеют. У них нет почти своей интеллигенции, они выдвинули из своей среды только художника Гуркина. Они не имеют письменности и обращаются к нам, бурят-монголам, за советом какую им принять письменность... Но все это нисколько не смущает товарищей томичей. Томское губернское народное собрание созывает съезд калмыков для организации думы и отпускает 500 руб. на содержание горной думы... Томичи и томские революционные организации отнеслись к алтайским инородцам с отеческой чуткостью и внимательностью. Они, стараются, как видно из приведенных фактов, поднять на ноги всеми способами и мерами в конец задавленных самодержавием и беспощадной эксплуатацией кабинета бывшего царя алтайских калмыков... Алтайская горная дума – вечный памятник революционной демократии Томска и яркое доказательство того, что идея братства народов еще не сгинула» [Ринчино 1994, 69–70].

Попытка организации обособленных национальных органов самоуправления была негативно воспринята чересполно проживающими с аборигенами русскими крестьянами. Проблема эта не ощущалась в Якутской области, где к 1917 г. на 220 тыс. якутов приходилось примерно 25 тыс. русских. Но, на юге в Забайкалье, в Хакасии, Горном Алтае, Степном крае ситуация постоянно обострялась, в связи с массовым переселенческим движением и дала мощный протуберанец летом 1916 г. массовыми волнениями «инородцев», переросшими в восстание, спровоцированное призывом аборигенов на окопные работы. Из информации штаба Омского военного округа: по состоянию на середину октября 1916 г. волнения возникли в Усть-Каменогорском уезде, «а затем перекинулись и в другие местности с киргизским населением, достигнув наиболее широких размеров в уездах: Зайсанском, Усть-Каменогорском,

Каркаралинском и Семипалатинском Семипалатинской области, Акмолинском и Атбасарском Акмолинской области и в районе Кош-Агач Бийского уезда Томской губернии» [Толочко, Буктугутова 2004, 115–120]. Мятежники сжигали русские селения, вытаптывали поля, угоняли скот.

После создания Алтайской горной думы, ее функционеры попытались образовать национально обособленные волости. «По их настоянию началось дробление волостей по национальному признаку, – констатирует В.А. Демидов. – В с. Онгудае, например, возникли две волостные управы – русская и алтайская. Русско-алтайское село Мьюта раскололось на две части: алтайцы образовали инородческую волость, а русские приписались к соседней Шебалинской волости. В Кузнецком уезде отделу Алтайской горной думы в конечном счете удалось образовать 4 национально-обособленные шорские волости» [Демидов 1983, 27].

Подобные действия вызвали неприятие со стороны крестьянства, возникающих советских органов, особенно после возвращения фронтовиков. Уже 26 июля на заседании Алтайского губернского земельного комитета М.О. Курский и Г.И. Гуркин сформулировали следующие предложения по землепользованию: «весь Горный Алтай – инородцам; воспрещение переселения в Алтай русских; уничтожение аренды; передача инородцам монастырских земель, всех доходов земельных и лесных; возврат арендных денег за прежние годы на нужды развития и просвещения». «После продолжительных и оживленных прений» выносится следующая резолюция: «Комитет приветствует стремление инородцев к развитию и просвещению и охотно пойдет им навстречу по всем вопросам строительства новой жизни. Однако, усматривая тенденции Горной думы создать исключительные условия для немногочисленной по своему составу группы инородцев путем предоставления им явных преимуществ земельного и финансового обеспечения перед всем остальным населением губернии, относится к этой тенденции отрицательно и полагает, что инородцы, как и другие граждане, должны пользоваться в государстве одинаковыми и равными для всех правами» [Судьбы коренных народов 2004, 69].

В сложившейся ситуации, по мнению Я. А. Пустогачева: «Осенью 1917 г. Алтайская Горная дума отказалась от идеи создания национально обособленных административных единиц и признала необходимым выделить Горный Алтай в единую земскую единицу без различия национальностей. В обращении к населению, напечатанном в газете «Свободный Алтай» за 6 октября 1919 г., говорилось, что Горная дума решила не выделять русское население из инородческой среды, и,

наоборот, объединить, так как интересы совершенно одинаковы; что не в ее интересах вносить национальную рознь в среду народов, населяющих Горный Алтай» [Пустогачев 1993, 112]. Можно предположить, что руководство Думы пошло на это исходя из явного преобладания алтайцев над русскими в Горном Алтае. О сложившейся ситуации в статье анонимного автора из Кузнецкого уезда сообщалось следующее: «Но вот русское население Кузнецкого уезда поняло это не так и, исходя из этого ложного понимания, выживают инородцев, говоря им, что раз они вошли во вновь выделившейся округ, то должны переселиться в Алтай. Остаться же на старых местах они разрешают только при том условии, если они, т. е. инородцы, войдут в состав русских волостей и ликвидируют свое самоуправление» [Вот тебе, бабушка 2018].

Тем временем власть на местах в Томской губернии в конце 1917 г. переходит к земским органам. Поэтому 19 ноября алтайцы обратились к депутатам открывшейся первой сессии Бийского уездного земского собрания с просьбой: «Устройте нас, горных жителей, а вместе с нами и русских, живущих в горах, в особый «Горно-Алтайский уезд». Принимается решение отложить решение вопроса, после проведения опроса населения заинтересованных волостей [Судьбы коренных народов 2004, 78, 84]. 9 января 1918 г. на чрезвычайной сессии собрания доложили о результатах «референдума»: 71888 душ высказались «за» и 7924 – «против», в основном из числа населения отдельных русских поселений. Гласные потребовали предоставить сведения по ряду неопределенных в выборе селений, хотя это принципиально не меняло общую картину. В заявлении Алтайской горной думы по этому поводу от 12 января говорилось: «Мы сделали все, что было в наших силах, чтобы пойти с Вами рука об руку по пути развития и цивилизации. Вы этого не приняли. Теперь, оскорбленные до глубины души Вашим недоверием и Вашим эгоистическими замыслами, мы от имени 60000 инородческого населения Горного Алтая, в составе всей Алтайской горной думы, ... заявляем Вам, что инородческое население Горного Алтая объединяется в самостоятельную национальную единицу, игнорируя Ваше эгоистическое желание затянуть на неопределенное время создание нового уезда, с пути краевого переходим на путь национального объединения, и берем свое самоуправление в свои руки» [Судьбы коренных народов 2004, 85, 89].

Г.И. Гуркин, С.С. Борисов, А.М. Кульджин, В.Н. Михайлов слагают с себя полномочия гласных уездного земства. Горная дума переезжает в Улалу и на 20 февраля назначает Учредительный горно-алтайский краевой съезд инородческих и крестьянских депутатов. 21 февраля (6

марта н. ст.) 1918 г. он открылся в Улале в составе 112 делегатов. Председателем форума избирается приглашенный в качестве эксперта-ученого, эсер В.И. Анучин, в конце 1917 г. признанный третейским судом клеветником и недобросовестным человеком [Шиловский 2007, 39]. По его докладу предлагается выделиться не в уезд, а в Каракорум-Алтайский округ. За данное предложение проголосовало 100 делегатов, против – 6, воздержалось – 20. В состав окружной управы избрали Г.И. Гуркина, М.Б. Шатилова, В.К. Манеева, В.К. Тюкина и Д.А. Филатова [Судьбы коренных народов 2004, 97].

Главный сюрприз Г.И. Гуркин озвучил вечером 7 марта, предложив объединить саяно-алтайские народы (алтайцы, хакасы, тувинцы, монголы) в республику Ойрот. Решили: «1) В силу права на самоопределение народностей, созданного великой русской революцией, и съезд признал за благо объединить в самостоятельную республику земли, входящие некогда в состав государства Ойрот, а именно: русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию. 2) Новая республика должна войти, как часть в Общероссийскую федерацию. 3) Для учреждения назначается Курултай (съезд депутатов) от народов названных земель, который состоится в местности Кош-Агач 28 июля нового стиля 1918 года. 4) Каждая из названных земель посылает на Курултай депутатов в числе по одному от каждых 3000 жителей населения. 5) Для организации созыва и открытия Курултая, а также для всех, могущих возникнуть переговоров по делам республики избран... особо уполномоченный... (Каган)». Им стал В.И. Анучин, которому от президиума улалинского съезда выдали специальный «ярлык» (мандат): «Признав за благо объединение в самостоятельную республику Ойрот земли и народы, входившие некогда в состав государства Ойрот, съезд единогласно избрал на заседании... гражданина В.И. Анучина каганом (особоуполномоченным) по делам республики Ойрот, поручив ему ввести переговоры с представителями заинтересованных государств» [Судьбы коренных народов 2004, 98]. Алтайские автономисты попытались перехватить инициативу у хакасских коллег, высказавшихся еще в августе 1917 г. за объединение тюрков Южной Сибири в единую республику.

Противодействовавшие созданию думы Совдепы свою политику в отношении ее выстраивали по-своему. Если исполком Алтайгубсовдепа 27 апреля 1918 г., на основании резолюции особой комиссии, с учетом «безучастного отношения уездной власти к его выделению из Бийского [уезда], постоянного, отрицательного отношения как Бийского комиссара Временного Правительства и уездного исполкома, как и

Бийского Совдепа», дал согласие на организацию в Горном Алтае особой уездной административной единицы в составе губернии и командировал для установления ее границ своего представителя [Судьбы коренных народов 2004, 94–95]. То, в постановлении исполкома Бийского уездного Совета крестьянских депутатов от 12 апреля того же года заявлялось, что Каракорум-Алтайский Горный округ автономным не признавать, а всех членов его управы признать врагами народа». Уже после свержения советской власти 11 июля 1918 г. Г.И. Гуркин докладывал губернскому земскому собранию, излагая свою версию возникновения национального территориального образования: «Образование Каракорума не понравилась Советской власти, главным образом, Бийской... Пришлось вести борьбу с Бийским совдепом и его красной гвардией, вступая несколько раз в вооруженные столкновения... Чтобы избежать дальнейших жертв, разгона Каракорума силой и не допустить банды в пределы Алтая, управа была вынуждена добиться признания Каракорум-Алтайского уезда в губсовдепе, что ей и удалось при условии наименования совдепом... Алтайский губсовет признал Каракорум-Алтайский уезд и предложил Бийскому совдепу не вмешиваться в дела Каракорума. Но и после этого преследования продолжались до 8 июля по ст. ст., когда Каракорумская управа объявила себя подчиненной Сибирскому Временному правительству, организовав отряды и всюду на Алтае смела большевистские Советы, заменив их земскими управами» [Судьбы коренных народов 2004, 107].

Начав борьбу за национальное самоопределение алтайские автономисты за год своих усилий, дальше дарованных в июне 1917 г. волостных земских управ, не продвинулись. Затормозилось решение вопроса о выделении Горного Алтая в отдельный уезд.

Связующим звеном для национальных движений Азиатской России и своеобразным теоретическим центром стало сибирское областничество. Уже в августе 1917 г. участие в Сибирской конференции общественных организаций в Томске приняли: Б. Вампилун от Иркутского бурятского национального комитета, З.С. Гайсин от исполкома Томского губернского мусульманского совета, А. Кульджин – алтайский калмык, С.Д. Майнагашев от инородческого съезда Минусинского уезда, А.К. Побызиков от Кузнецкого уездного инородческого народного собрания, А.И. Юняев от Томского губернского мусульманского совета [ГАНУ.Ф. Д-143.Оп. 1.Д. 28. Л. 15–16]. Делегаты утвердили «Постановление Сибирской конференции общественных организаций по вопросу об автономном устройстве Сибири», в котором проводилась мысль о том, что «Сибирь, в качестве

автономной единицы, должна обладать той полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти, какой обладают штаты в соединенных федеративных государственных соединениях». Для этого необходимо создать Сибирскую областную думу. Кроме того, принимается решение провести в Томске в октябре общесибирский областной съезд для обсуждения вопроса об организации Думы.

Он работал 8–17 октября в Томске. Из 180 делегатов, помимо русских, на съезде присутствовало 62 (34%) татарина, украинца, казаха, немца, еврея, поляка, якута и т. д., в том числе алтайцы: С.С. Борисов и В.Т. Тибер-Петров [ГАНУ.Ф. Р-552.Оп. 1.Д. 11. Л. 27–28, 292–293]. 16 октября форум принял специальное постановление «Областное устройство Сибири». Признавая единство Российской республики, документ требовал для ее частей «автономии национальной или территориальной». При этом законодательно «Должны быть обеспечены права национальных меньшинств в местностях со смешанным населением и права наций без территорий, путем образования экстерриториальных персонально-автономных союзов» [ГАНУ.Ф. П. 5.Оп. 4.Д.645.Л. 9–10].

Областники же в рассматриваемое время активно поддерживали национальные движения аборигенных этносов региона. Так, М. Б. Шатилов становится главным лоббистом автономии алтайцев. При его поддержке на сессии Томского губернского народного собрания 12 мая 1917 г. по докладу Г.И. Гуркина рассматривается вопрос о их самоопределении. Он становится одним из инициаторов проведения 1–6 июня в Бийске съезда представителей инородческих волостей Горного Алтая, избравшего Алтайскую Горную думу. По мандату от нее Шатилов участвует в первом Сибирском областном съезде. На русско-инородческом съезде в Улале 6 марта 1918 г. он заочно избирается товарищем председателя Каракорум-Алтайской окружной управы [Шиловский 2007, 286–287]. В самый разгар советизации региона А.В. Адрианов в редактируемой им «Сибирской жизни» провозгласил: «Алтайская горная дума должна существовать. Мы надеемся, что из горького вынесенного ею опыта она сумеет сделать все нужные выводы и только укрепит свое положение» [Адрианов 2017].

Свои надежды на получение автономного статуса многие национальные движения Азиатской России в конце 1917 – начале 1918 г. связывали с Сибирской областной думой. На Чрезвычайный сибирский областной съезд, открывшийся в Томске 6 декабря 1917 г. прибыло 160 делегатов с решающим голосом, в том числе 50 (31%), представляющие 12 этносов, помимо русских, из них 21 чел. были делегированы национальными объединениями. Горный Алтай

представляли: С.С. Борисов, Г.И. Гуркин, В.Т. Тибер-Петров и Г.М. Токмашев [ГАНО.Ф. Р-578.Оп. 1.Д. 1]. На нелегальной сессии Сибирской областной думы в ночь на 29 января 1918 г. избирается Временное правительство автономной Сибири (ВПАС) во главе с П.Я. Дербером, в котором националисты заняли следующие посты: Э.-Д. Ринчино – министр народного просвещения; В.Т. Тибер-Петров – министр туземных дел; Д.Г. Сулим – министр экстерриториальных народностей; М.Б. Шатилов, Г.Ш. Неометулов – министры без портфелей.

Пришедшее к власти Временное Сибирское правительство (ВСП) 18 июля 1918 г. обнародовало проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири», в котором зафиксировало отрицательное отношение к национально-территориальной автономии. На этом основании омская власть отказалась признавать национальные комитеты органами национально-государственной власти» [Омский вестник 1918, 18 июля].

Окончательно надежды на автономию рассеялись после самороспуска Сибирской областной думы 10 ноября 1918 г. Выступая на ее заседании от имени националов, лидер хакасского национального движения С.Д. Майнагашев сказал: «Пришла революция, и туземцы в автономном управлении Сибири надеялись выйти из угнетенного положения. Больше того, они уже мыслили о возможности автономии национальностей. Но вот новый поворот в революции; самороспуск автономных управлений. Нужно временно понести еще одну жертву, и представители национальностей будут, хотя и с тяжелым чувством, голосовать за самороспуск» [Народная Сибирь 1918, 14 нояб.]. Этим и завершились попытки алтайцев обрести автономию в период социального катаклизма 1917–1918 гг.

Литература

Адрианов А.В. Пробуждение инородческого Алтая // Сибирская жизнь. 1917. 24 ноября.

«Вот, тебе, тебе бабушка, и Юрьев день» // Знамя революции (Томск). 1918. 18 апр.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-143.Оп. 1.Д. 28.

ГАНО.Ф. П. 5.Оп. 4.Д.645.

ГАНО.Ф. Р-552.Оп. 1.Д. 11.

ГАНО.Ф. Р-578.Оп. 1.Д. 1

Гуркин Г. Алтайская горная дума // Красный Алтай (Бийск). 1917. 26 июля.

- Демидов В.А. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996.
- Кислицын В.Н. Алтайская духовная миссия и ее роль в колонизации Горного Алтая // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. 15.
- Когда рушилось государство: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны. Томск, 2015. Т. 1.
- Коптелов А. Л. Минувшее и близкое. Новосибирск, 1983.
- Майдурова Н.А. Чорос-Гуркин и Горная Дума (По материалам архива Алтайского края) // Возвращение. Сб. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993. Народная Сибирь. 1918. 14 нояб.
- Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2. Ч. 1. Томск, 2013.
- Омский вестник. 1918. 18 июля.
- Пустогачев Я.А. Правление и судьба (К вопросу об общественно-исторической реабилитации политической деятельности Г.И. Гуркина в период 1917–1918 гг.) // Возвращение. Сб. докл. и сообщ. науч. практич. конф. «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993.
- Ринчино Э.-Д. Великая революция и инородческая проблема в Сибири (1918) // Э.-Д. Ринчино. Документы, статьи, письма. Улан-Удэ, 1994. С. 69–70.
- Судьбы коренных народов Горного Алтая (Из истории национально-государственного строительства. 1800–1940 гг.). Горно-Алтайск, 2004.
- Толочко А.П., Буктугутова Р.С. Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. Омск, 2004.
- Шерстова Л.И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1999.
- Шиловский М.В. Каган государства Ойрот // Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007.
- Шиловский М.В. Загадки биографии М.Б. Шатилова // Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007.
- Эдоков В.И. Г.И. Чорос-Гуркин (Судьба. Творчество) // Возвращение. Сб. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. «Чорос-Гуркин и современность». Горно-Алтайск, 1993.

M.V. Shilovskiy
Novosibirsk State University
Institute of History, SB RAS

**Gorny Altai in the Context of Ethno-Political Processes
in Asian Russia, 1917–1918**

***Abstract.** The article analyzes an attempt to establish a national-territorial autonomy in the Mountain Altai in 1917–1918. The majority of Altaian autonomists were young representatives of local intelligentsia headed by G.I. Gurkin and oriented towards Socialist-Revolutionaries (SRs) and Siberian regionalists. Biysk and Tomsk became key platforms for the struggle for national self-determination. In July, 1917 the congress of delegates from the "inorodtsy volosts" of the Biysk and Kuznetsk uyezds adopted a resolution declaring the Altai Mountain Duma's establishment. In February, 1918 the Gorny Altai Regional Congress in Ulala formulated a task of uniting the Sayan-Altai peoples to form the Oyrot Republic. Having started the struggle for the national self-determination, the Altaian autonomists did not progress beyond granting the volosts the right to create "zemskaya upravas" (executive boards).*

***Keywords:** Mountain Altai, national-territorial autonomy, Socialist Revolutionaries (SRs), regionalists, Altai Mountain Duma, national self-government bodies*